

ществляться в целях утаивания или искажения происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности средств, полученных заведомо преступным путем, и, возможно, такое указание упрощает правоприменение.

1. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / пер. с англ. М. : МУМЦФМ, 2012.

2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федер. закон, 7 авг. 2001 г., № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33. Ст. 3418.

3. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS N 141 [Страсбург, 8 ноября 1990 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 3. Ст. 203.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Эталон».

6. Журбин Р. Расследование легализации преступных доходов // Законность. 2006. № 2. С. 17–19.

7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2008 г. № 13-Д08-2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 7.

8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 марта 2007 г. № 83-Д06-20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 1.

9. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федер., 7 июля 2015 г. № 32 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.

УДК 343.

Б. А. Херцмане

доцент кафедры правовых дисциплин

Колледжа Государственной полиции Латвийской Республики

m. iur; m. educ. sc.

ПОНЯТИЕ И КВАЛИФИКАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Согласно статье 94 Конституции Латвийской Республики, каждый человек имеет право на свободу и неприкосновенность лич-

ности. Право на неприкосновенность личности является отдельной гарантией права на свободу и применимо к обязательству государства по обеспечению общей безопасности в стране, а также безопасности личности от угроз или нападений третьих лиц [1]. Насилие и проблемы, связанные с его проявлениями, существуют до тех пор, пока существует человек. В настоящее время выделяют различные формы насилия. Всемирная организация здравоохранения определяет насилие как преднамеренное использование силы против себя, другого человека, группы или сообщества, которое причиняет травму, смерть, психологический вред, нарушение развития. В частности, нельзя забывать о латентной природе данного негативного социального феномена. Физическое насилие, которое имеет негативные последствия для здоровья, относительно легко распознать. Эмоциональное насилие обнаружить очень трудно, ведь следы такого воздействия не очевидны. При материальном составе преступление в качестве обязательного признака требуется установить причинно-следственную связь между поведением правонарушителя (действием или бездействием) и его последствиями — в данном случае последствиями эмоционального насилия над человеком. Именно определение причинно-следственной связи и отсутствие критериев в таких случаях усложняют квалификацию эмоционального насилия. Причинно-следственная связь в уголовном праве понимается как объективная связь между незаконным поведением человека и вредными последствиями этого действия. Чтобы обвинять человека в совершении преступления, необходимо, чтобы он должен быть осведомлен о такой причинно-следственной связи или, по крайней мере, знал о вероятности возникновения этих последствий. Эмоциональное насилие в контексте уголовной ответственности мало изучено, поэтому в данной статье автором уделено внимание уточнению и сопоставлению определенных концепций, а также возможных квалификационных решений в случае эмоционального насилия. Термин «насилие» часто используется как в Общей, так и в Специальной части Уголовного закона (далее — УЗ) и обычно понимается как физическое насилие и воздействие на жертву, хотя термин «насилие» охватывает все формы насилия (физическое, сексуальное, эмоциональное и экономическое). Говоря конкретно об эмоциональном насилии, УЗ не дает юридических объяснений понятия «эмоциональное насилие», поэтому особенно важно выявить признаки эмоционального насилия и их отражение в уголовном праве. В различных литературных источниках эмоциональное насилие определяется как любое

словесное, эмоциональное или психологическое домогательство, такое как регулярная угроза, физическая или сексуальная угроза, похищение ребенка, клевета, преследование (выслеживание, ожидание у дома, на работе, обычное и регулярное), нежелательные звонки и текстовые сообщения или сообщения по электронной почте). Конкретное определение эмоционального насилия дано в Законе о защите прав ребенка: эмоциональное насилие — это нарушение чувства собственного достоинства или психологическое воздействие на ребенка (угроза ему, ложь, унижение в присутствии ребенка близкого человека или иное вредное воздействие его эмоциональное развитие) [2].

В УЗ используются следующие термины: «угроза насилия», «преследование», «психическое страдание». Продолжая исследовать эти термины с точки зрения уголовного права, можно сделать вывод, что эмоциональное насилие в рамках УЗ можно квалифицировать как смягчающее обстоятельство, как привилегированное обстоятельство правовых норм и как самостоятельное уголовное преступление.

В 2016 году Латвия концептуально присоединилась к Конвенции Совета Европы о прекращении насилия в отношении женщин и насилия в семье и борьбе с ним (далее — Стамбульская конвенция), которая ставит вопрос об уголовной ответственности за все формы насилия, включая эмоциональное насилие.

В соответствии со статьей 47 УЗ, суд при определении наказания или прокурор при составлении наказания принимает во внимание смягчающие обстоятельства. Смягчающие обстоятельства характеризуют особенности совершенного преступления или лица, совершившего его, или особенности, которые должны быть приняты во внимание при определении приговора. Наличие этих обстоятельств является основанием для более легкого наказания виновного в рамках санкции статьи УЗ. Пункт 5 статьи 47 УЗ гласит, что смягчающее обстоятельство возможно, когда преступление совершается из-за незаконного или аморального поведения жертвы, т. е. эмоциональное насилие в отношении преступника стало катализатором следующего другого (физического или сексуального) насилия. Это обстоятельство обязательно должно учитываться при определении цели справедливого урегулирования уголовного права при определении основного агрессора.

Статья 120 УЗ предусматривает ответственность за убийство в привилегированных обстоятельствах, а именно за убийство, совершенное в состоянии сильного психического возбуждения, если

жертва была сильно оскорблена преступником. Аналогичным образом привилегированные условия также упоминаются в статье 127 УЗ, которая предусматривает ответственность за телесные повреждения, нанесенные состоянием сильного психического возбуждения. Из содержания этих норм следует, что привилегированные условия нормы формируются эмоциональным насилием со стороны жертвы.

Ряд норм, которые предусматривают ответственность за ущерб, причиненный жизни или здоровью человека, за эмоциональное насилие, посвящены отдельным уголовным преступлениям. Например, статья 124 УЗ предусматривает ответственность за доведение до самоубийства или попытки самоубийства путем жестокого обращения с жертвой, систематического унижения ее личного достоинства. Статья 132 УЗ предусматривает уголовную ответственность за угрозу убийством или за угрозу нанесения телесных повреждений, если есть основания опасаться, что угроза может быть осуществлена. Однако эти статьи не охватывают все случаи эмоционального насилия, указанного в Стамбульской конвенции. Например, преследование. Относительно преследования какого-либо лица статья 34 Стамбульской конвенции требует принятия законов и других мер, необходимых для обеспечения того, чтобы такое преднамеренное поведение, когда жертва опасается за свою безопасность, признавалось уголовным преступлением. В Стамбульской конвенции говорится, что преследование — это любая повторяющаяся угроза конкретному человеку. Это многократное выслеживание другого человека, вступление в нежелательный контакт с ним или сообщение ему о том, что за ним следят. Это может быть физическое выслеживание жертвы по прибытии на рабочее место, в спортивное или образовательное учреждение, а также отслеживание жертвы в виртуальной среде (чаты, сайты социальных сетей и т. д.). Связи этим УЗ был дополнен новой статьей 132.1 «Преследование», которая предусматривает уголовную ответственность за многократные или долгосрочные слежку, угрозы или нежелательное общение с другим человеком, если у этого человека были основания бояться за свою безопасность или безопасность его родственников. При расследовании данного преступления необходимо установить, что действия были настойчивыми и продолжительными, поэтому для их инкриминирования необходимо зафиксировать как минимум два эпизода преследования. Так как существенным элементом статьи 132.1 УЗ является опасение жертвы за свою безопасность, может быть проблематично дока-

зать субъективную сторону — намерение запугать, вызвать беспокойство и страх. Это означает, что должны существовать объективные обстоятельства, свидетельствующие о том, что преследователь мог причинить вред преследуемому или его родственникам.

Признаки эмоционального насилия также очевидны в нормах УЗ, которые предусматривают ответственность за умышленное нанесение телесных повреждений. В связи с поправками, вступившими в силу 1 января 2018 года, в 3 Приложении к Закону «О порядке вступления в силу и применения уголовного закона» содержится объяснение механизма телесных повреждений, в котором, среди прочего, говорится, что психические травмы или травмы, вызванные психическими последствиями, сопоставимы с телесными повреждениями [3].

Как уже упоминалось выше, в статье указан некий общий криминальный аспект эмоционального насилия и предлагается квалификационное решение. Еще одно заслуживающее внимания понятие — это использование одного или нескольких признаков эмоционального насилия, таких составов преступления, в которых квалифицирующим признаком преступления является угроза насилия.

1. Latvijas Republikas Satversme: Latvijas Republikas likums // Latvijas Vēstnesis. 1993. Nr. 43.

2. Bērnu tiesību aizsardzības likums [Elektroniskais resurss]. URL: [https://likumi.lv/doc.php?id \(pārsūdzības datums: 29.01.2019\)](https://likumi.lv/doc.php?id (pārsūdzības datums: 29.01.2019)).

3. Par Krimināllikuma spēkā stāšanās un piemērošanas kārtību : Latvijas Republikas likums // Latvijas Vēstnesis. 04.11.1998.

УДК 343.238.5

Т. Г. Черненко

*заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Кемеровского государственного университета (Россия),
доктор юридических наук, профессор*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ДЛЯЩЕГОСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

К числу сложных единичных преступлений относятся длящиеся преступления. Длящимся является преступление, которое начинается с акта противоправного действия или бездействия и, не оканчиваясь этим моментом, непрерывно осуществляется, образуя